

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Синтез:

олигархические

тенденции

партийной

организации

- ГЛАВА I. Консервативный базис организации
- ГЛАВА II. Демократия и железный закон олигархии
- ГЛАВА III. Заключительные замечания

ГЛАВА I. Консервативный базис организации

На данном этапе перед нами возникают два ключевых вопроса. Первый: неизлечим ли недуг олигархии в демократической партии? Им мы займемся в этой главе. Второй: может ли демократическая партия проводить демократическую политику, а революционная – революционную? Неужели не только социализм, но и социалистические партии утопичны? Попытаемся дать краткий ответ на второй вопрос. В определенных, достаточно узких рамках даже демократическая партия, находящаяся под контролем олигархии, может оказывать демократическое влияние на государство[569]. Старые политические общественные классы, в особенности само государство, вынуждены проводить переоценку существующих ценностей как идейно, так и фактически: значение массы, даже во власти демагогии, возрастает, законодательные и исполнительные органы власти привыкают подчиняться давлению не только сверху, но и снизу. На практике это может привести к серьезным неудобствам, известным нам из новейшей истории всех парламентских государств; теоретически этот новый порядок означает невероятный прогресс в развитии общественных прав, соответствующих принципам социальной справедливости. Это развитие, однако, остановится, как только правящим классам удастся привлечь к совместной работе в правительстве крайнюю левую оппозицию. Политическая организация дает власть. Но власть всегда консервативна. В любом случае влияние, которое оказывает на правительственный аппарат энергичная оппозиционная партия, всегда будет медленным, оно часто прерывается и всегда ограничивается естественными тенденциями к олигархии [570].

Но признание этого факта не дает ответа на вопрос о том, детерминирует ли олигархическая внутренняя природа организации ее внешние проявления и олигархическую политику. Мы уже установили, что внутренняя политика любой современной партии насквозь консервативна или находится на пути к консерватизму. Однако существует вероятность, что внешняя политика этих консервативных организмов окажется живой и революционной, что антидемократическая централизация власти в руках немногочисленных лидеров – не более чем тактический прием, который в нужный момент поможет без труда одолеть противника, что олигархи лишь временно выполняют функцию воспитания масс для грядущей революции, а вся организация служит идее будущего бланкизма. Но такой вероятности противоречит суть партийной организации – организации максимально широких масс.

Чем больше становится организация, тем сложнее оказывается борьба за великие принципы. Мы видим, что в современных демократических партиях конфликты мнений все реже разрешаются с помощью принципа или оружия теории, поэтому они так стремительно перерастают в личные распри, которые необходимо разрешить как можно скорее и

незаметно отодвинуть на второй план. К «политике утаивания» неизбежно приходит любая организация, основанная на бюрократических принципах, если цель ее агитационной работы заключается в привлечении наибольшего количества новых членов. Любая идейная борьба здесь воспринимается как нежелательное отягчающее обстоятельство в достижении высшей партийной цели, поэтому ее по возможности нужно избежать. Эту тенденцию усиливает парламентский характер партии. Партийная организация – это стремление к наибольшему количеству членов. Парламентаризм – это стремление к наибольшему количеству голосов. Предвыборная агитация и пропаганда – основные направления деятельности партии. Социал-демократическая партия совмещает две функции: максимизацию количества набранных голосов и числа привлеченных членов. При каждом сокращении количества членов, количества голосов или даже количества мандатов партия теряет политический авторитет. Поэтому особое внимание уделяется не только новоиспеченным членам партии, но и ее потенциальным последователям, «подельникам», в некоторых странах их называют сочувствующими или единомышленниками[571]. Они еще далеки от мира социалистических или демократических идей, поэтому здесь исключена политика, основанная на строгом принципе, несмотря на то что качество организационной работы значительно падает при ее количественном росте.

Последнее звено длинной цепочки явлений, которые придают политической партии (даже если она прикрывается названием революционной) внутренне консервативный характер, – ее отношения с государством. Созданная ради свержения централизованной государственной власти, партия исходила из убеждения, что рабочему классу необходима лишь достаточно многочисленная и прочная организация, чтобы завоевать власть над государственной организацией. Но в итоге партия рабочих сама стала централизованной и стоит на тех же принципах: дисциплина и авторитет[572]. Так она стала государственной партией, организованной по государственному принципу, но в небольшом масштабе, партией, которая надеется захватить власть над более крупным государством. Революционная политическая партия – это государство в государстве[573], которое преследует заветную цель – подорвать и уничтожить существующую государственную власть, чтобы заменить ее совершенно новым государственным и общественным порядком[574]. Для достижения этой откровенно прогосударственной цели партия пользуется услугами социалистической организации, существование которой оправдывается исключительно терпеливой и систематической подготовкой к разрушению государства в его нынешнем виде. Подрывная партия занимается подготовкой социальной революции. Поэтому она постоянно стремится укреплять свои позиции, расширять бюрократический механизм, аккумулировать капитал. Каждый новый региональный руководитель, каждый новый партийный секретарь – теоретически новый агент революции, каждый новый партийный отдел – новый революционный батальон, каждая купюра в тысячу марок, полученная в качестве членского взноса или за газетную подписку, любое щедрое пожертвование сочувствующих благодетелей идет на нужды борьбы с врагом. Но в долгосрочной перспективе руководители такого революционного органа, существующего в условиях авторитарного государства, не могут не осознавать, что партийная организация, каких бы успехов она ни добилась в будущем, никогда не сможет стать чем-то кроме как неэффективной и миниатюрной копией государственной организации, ведь она поддерживается теми же средствами, что и это государство, и вдохновляется его дисциплинарным духом. Поэтому в обозримом будущем, если только не случится нечто

экстраординарное, любая проба партийных сил обернется сокрушительной катастрофой. Следуя этой логике, мы приходим к выводу, что основатели партии сталкиваются с результатом, противоположным тому, на который они рассчитывали, организовывая партию. Вместо того чтобы увеличивать свой революционный потенциал вместе с увеличением масштаба своего партийного аппарата, партия подвержена противоположному влиянию: чем масштабнее становится партия, тем больше она подвержена страху, тем осторожнее ее политика. Партии нередко угрожает государство, она находится в постоянной зависимости от него и, даже когда она обеспечивает себе достаточное влияние, продолжает избегать всего, что могло бы его рассердить[575].

Сама теоретическая, научная основа партии в случае необходимости может быть ослаблена или изменена в соответствии с внешними потребностями организации. Организация – жизненный нерв партии. Партия, которая на первых порах не могла слишком часто заявлять о своей революционной природе – не только в том, что касалось ее общей цели, но и в выборе средств для ее достижения, – состарившись (или, если угодно, достигнув политической зрелости), без зазрения совести меняет свои первоначальные убеждения и заявляет свою революционность лишь «в лучшем смысле этого слова», то есть не в выборе средств, которые могли бы заинтересовать полицию, но лишь на бумаге, в теории. Та же партия, что в свое время бесстрашно заявляла о своей солидарности с коммунальщиками, пока еще дымились ружья парижских захватчиков, теперь перед лицом всего мира отвергает антимилитаристскую пропаганду в любой форме, которая может привести сторонников партии к конфликту с уголовным кодексом, ведь партия не хочет нести никакой ответственности за возможные последствия этого конфликта. Вскоре партия начинает испытывать чувство ответственности. Поэтому она старается направить всю силу своего авторитета на борьбу против радикальных течений, возникших в ее недрах, к которым до этого она относилась снисходительно. Во имя этой ответственности партия отвергает антимилитаризм, отказывается от всеобщей забастовки и отрекается от своей прошлой непоследовательности и дерзости[576].

История международного рабочего движения демонстрирует бесчисленное количество примеров того, как партия оказывается парализована с увеличением силы ее организации. Она теряет свой революционный импульс, становится вялой, тяжелой на подъем не только в своих действиях, но и в ходе мысли[577]. Все настойчивее партия хватается за так называемую старую, добрую тактику, которая привела ее к величию, а ее страх перед агрессивными действиями все труднее преодолеть[578].

Страх перед реакцией парализует любую деятельность, любое проявление силы и лишает энергии для повседневной борьбы. Бездействие оправдывается сохранением сил на будущее. Другими словами, мы видим, как формы собственности оказывают глубинное воздействие и на партию. На протяжении полувека члены партии в поте лица трудились над созданием образцовой организации. Сейчас, когда организовано три миллиона рабочих, больше, чем было необходимо для полной победы над врагом[579], в партии возникла бюрократия, которая по функционалу, педантичности и подчиненности иерархии может потягаться с государством; казна полна [580], вся страна подчиняется единой системе финансовых и моральных интересов. Смелая и решительная тактика могла бы поставить все на кон: достижения многих десятилетий работы, существование тысяч старших и младших

руководителей, существование партии в целом. Эта идея уже кажется непостижимой. Против нее восстают и необоснованная сентиментальность, и оправданный эгоизм, любовь к собственному творению и своекорыстие бесчисленного множества добропорядочных отцов семейств, чье социальное и экономическое благосостояние зависит исключительно от партии, в том случае, если правительство распустит партию – что вполне возможно в случае войны, – они потеряют место и окажутся без средств.

Таким образом, из средства достижения цели организация превращается в самоцель. Механизмам, изначально предназначенным лишь для обеспечения исправной работы партийной машины – субординации, единодушному сотрудничеству, отношениям иерархии, прозрачности, точности, – в конечном счете, придается большее значение, чем производительности целой машины. Основопологающим законом партии постепенно становится необходимость защищать элементы машины от внешних воздействий, которые угрожают партийному организму или по меньшей мере его внешней форме – организации. Даже если партия подвергнется нападению, она откажется от всех позиций, завоеванных ранее, от всех своих прав, но не станет отвечать на наступление противника методами, которые могут ее скомпрометировать[581]. Чем больше будет ее потребность в покое, тем больше своих революционных ядовитых зубов она потеряет, чтобы со временем превратиться в прочную консервативную партию, продолжать использовать революционную терминологию (так, последствия живут дольше, чем первопричины), но на деле в лучшем случае играть роль конституционной оппозиции.

Карл Маркс хотел вовсе не этого. Все это уже не имеет никакого отношения к марксизму. Будь он еще жив, он был бы вынужден восстать против такого положения дел. Но вполне возможно, он поддался бы искушению возглавить трехмиллионную армию, действующую от его имени и приносящую торжественную клятву *in verba magistri*. Еще при жизни Маркса были инциденты, которые не исключают такой возможности. Ему удалось, по крайней мере публично, закрыть глаза на серьезные прегрешения социал-демократии, допущенные в 1870-е годы.

В эпоху эпигонов Маркса жадность партии до новых членов и голосов сочетается со слабостью, которую она питает к государству. В результате старая цель по разрушению существующего государства заменяется новой: целью постепенно проникнуть внутрь государственной власти и превратить ее в партийную организацию. Борьба социалистов с партиями правящих классов перестала быть борьбой за принципы и стала борьбой конкурентов. Революционная партия стала соперницей буржуазной в борьбе за власть. Поэтому она открывает свои двери для всех, кто может помочь в достижении этой цели или просто помочь увеличить численность ее боевых отрядов [582]. Ее ненависть направлена в первую очередь не на противников ее взглядов, а на опасных соперников в гонке к одной и той же цели – завоеванию власти [583]. При этом партия жертвует не только своей политической невинностью, вступая в отношения с самыми разными политическими силами – и эта связь редко проходит бесследно, – она подвергает себя риску утратить свою партийную суть. Само понятие «партия» предполагает совпадение во взглядах и наличие общих практических целей[584]. Если их нет, партия превращается в организацию[585].

ГЛАВА II. Демократия и железный закон олигархии

В то время как большинство социалистических школ считают демократию достижимой в будущем, а большая часть приверженцев аристократических политических взглядов признает, что демократия, несмотря на то, что она опасна для общества, по крайней мере, осуществима, среди ученых мы наблюдаем консервативную тенденцию категорически отрицать такую возможность. Эта тенденция, к которой мы уже обращались (см. ч. I, А, гл. 2), имеет особое влияние в первую очередь в Италии и выражается в необходимости *classe politica*, политически властвующего класса, класса меньшинства в условиях любого общественного порядка. Неверующие в Бога демократии неустанно повторяют, что демократия – детская сказка, а все слова и определения, которые подразумевают власть массы, например «государство», «гражданские права», «народное представительство», «нация» и т. д., лишь описывают правовой принцип, но не отражают реального положения дел. Они выдвинули теорию, согласно которой извечная борьба между аристократией и демократией, о которой так упорно твердит история, не что иное как борьба между старым меньшинством, отстаивающим свое фактическое господство, и новым, амбициозным меньшинством, которое стремится к завоеванию власти и хочет либо слиться с первым, либо свергнуть и заменить его. Согласно этой теории, результат любой классовой борьбы – это размен: одно меньшинство, обращаясь к поддержке масс, сменяет у власти другое. Социальные классы, на наших глазах ведущие великую историческую борьбу, причины которой таятся в экономическом антагонизме, напоминают две группы танцоров, исполняющих *chasse-croise* – перемену позиций в кадрили.

В решении важных вопросов демократия отдает предпочтение авторитарным методам[586]. Она одновременно жаждет власти и блеска. Освобожденные английские бюргеры были преисполнены тщеславного стремления овладеть аристократией. Гладстон заявил, что любовь к свободе английского народа может сравниться только с его любовью к аристократии [587]. Главная гордость социал-демократов – в их способности сохранять дисциплину, в определенной степени в добровольном подчинении масс приказам меньшинства или, по крайней мере, распоряжениям, изданным меньшинством, в соответствии с указаниями большинства. Вильфредо Парето даже рекомендовал использовать социализм в качестве средства для создания новой элиты, составленной из представителей рабочего класса, и считал мужество, с которым социалистические лидеры выносят нападки и преследования, признаком силы и первым условием для формирования нового политического класса[588]. Возможно, в теории циркуляции элит Вильфредо Парето верны лишь некоторые положения. Согласно этой теории, правящий класс исторически стремится сохранить свою власть, но в действительности сначала он оказывается истощен, после чего начинается естественный процесс распада, а затем существующая власть наконец умирает морально и физически и уступает место новому политическому классу.

Этот процесс заключается не в простой замене одной группы элит на другую, а в непрерывном процессе смешения старых и новых элит.

Вероятно, этот феномен существовал и раньше, так как циркуляция элит осуществлялась внутри одного многочисленного социального класса и носила политический характер. В государствах с исключительно репрезентативной формой управления так называемая конституционная оппозиция стремится просто к циркуляции. Оппозиционная партия, как правило, имеет такую же простую, но устойчивую структуру, как и правящая партия, так обстоит дело, например, в Англии. Партийная программа оппозиции четко сформулирована, но совершенно нетеоретична и ориентирована исключительно на практические цели ближайшего будущего; в ней соблюдается строжайшая дисциплина; ее возглавляет человек, лишенный теоретической глубины, но наделенный стратегическим талантом. Вся энергия оппозиции направлена на свержение правительства и захват власти, она хочет занять место правящей партии, но не собирается ничего менять; таким образом, одна правительственная клика просто заменяет у власти другую. Но рано или поздно конкурентная борьба между отдельными правящими кликами завершается перемирием, заключенным с бессознательной целью сохранить власть над массами, поделив ее между собой. Весьма широко распространено мнение, что французской революции или, во всяком случае, высшим инстанциям Третьей республики после 1879 года удалось полностью устранить первое сословие. Это мнение совершенно ошибочно. В 1908 году мы все еще видим представителей дворянства в кавалерийских полках или рядах республиканских дипломатов. Во французском парламенте нет консервативно-аристократической партии, как в Германии, где в рейхстаге из 58 членов фракции консервативной партии – 31 аристократ, но среди 584 депутатов в Бурбонском дворце заседает 61 представитель старой аристократии (*noblesse cГёрее* и *noblesse de robe*)[589], в то время как все остальные, за незначительными исключениями, – бывшие революционеры и их последователи.

Потребность в руководящей социальной власти возникла гораздо раньше, чем принято полагать. Профессор права Туринского университета Гаэтано Моска, самый выдающийся защитник этой социологической концепции, превосходящий в степени своего научного авторитета другого благороднейшего и авторитетнейшего сторонника тех же идей – Вильфредо Парето, в качестве своих теоретических предшественников упоминает Ипполита Тэна и Людвиг Гумпловича[590]. Менее известный, но не менее интересный факт: интеллектуальные предшественники теории Моски – Парето представляли школу, против идей которой и направлены их копыя, – теоретики социализма анархистской направленности и сторонники старого французского социализма, в котором мы находим элементы, очевидно, позже заимствованные и переработанные Моской и Парето в их собственных социологических системах.

Сторонники школы Сен-Симона не стремились к бесклассовому будущему, даже если полагали, что понятие класса больше не будет связано с экономическими признаками. Они мечтали о создании новой иерархии, в которой не было бы места привилегиям по рождению, но их заменили бы приобретенные, заработанные привилегии. Эту иерархию должны были составлять «самые преданные, самые умные и сильные, живое воплощение трехкратного прогресса общества», те, кто «способен направить его к великим целям». Один из самых убежденных последователей Сен-Симона, ярый сторонник «новой династии», вынужденный

защищаться от обвинений в том, что его учение открыло дорогу деспотизму, не отказался от утверждения, что большинство людей обязаны подчиняться власти способностей как из страха перед Богом, так и из любви к себе, а также потому, что человек хотя и живет в изоляции, но всегда нуждается в поддержке. Потребность в авторитете, с одной стороны, и в подчинении – с другой, имеют метафизическое обоснование. Авторитет, безусловно, стал бы «политическим преобразованием любви, объединившей всех людей перед Богом. Предпочтете ли вы жалкую независимость, которая сейчас исключает чувства, мнения, усилия и которая под своим напыщенным именем скрывает лишь эгоизм?» [591] Система сенсимонизма насквозь авторитарна и иерархична. Ее последователи вовсе не были рассержены цезаризмом Наполеона III, многие благосклонно его приняли, так как считали, что смогут обнаружить в нем принципы экономической социализации.

Еще дальше пошла школа Фурье. Гротескная добросовестность Фурье, которая граничила с педантичностью, сегодня вызывает улыбку, когда мы видим в его научной системе эти описания и схемы, обширные и разветвленные части «сферической иерархии». В ней Фурье рассмотрел все возможные нюансы и формы господства – от «анархии» до «омниархии», у каждой из которых есть свои «высшие достоинства» и «высшие обязанности» [592]. Сорель справедливо указал на тесную связь между социализмом до прихода Луи Блана и эпохой Наполеона. При этом он замечал, что утопии Сен-Симона и Фурье могли возникнуть и развиваться только на основе идеи власти великого корсиканца. Согласно Берту, система Фурье предполагает для своей работы невидимое, но идейное и неизбежное присутствие самого Фурье, так как только он, подобно Наполеону от социализма, способен привести в движение и примирить человеческие страсти [593].

Позднее революционные социалисты отрицали власть большинства не *in abstracto*, но *in concreto*. Бакунин выступал против любого участия рабочего класса во всеобщих выборах, так как был убежден, что в обществе, где народ, масса наемных рабочих, подчиняется экономическому господству зажиточного меньшинства, даже самое свободное избирательное право будет не более чем иллюзией. «Слова “государство”, “власть” означают господство, а всякое господство подразумевает существование масс, над которыми господствуют» [594]. Демократия – худший из всех буржуазных режимов. Республика, в которой нам явлена высшая форма буржуазной демократии, согласно Прудону, обладает тем мелким, фанатичным властным духом (*zele gouvernemental*), из-за которого считает себя безнаказанной, потому что всегда готова оправдать свой деспотизм благом республики и общими интересами [595]. Даже политическая революция – это не больше чем *deplacement de l'autorite* [596].

Единственная научная доктрина, которая может похвастаться эффективным противостоянием любой теории, старой или новой, утверждающей имманентную необходимость существования «политического класса», – это марксизм. В марксизме государство отождествляется с правящим классом, из этого отождествления ученик Маркса Бакунин сделал весьма обширные выводы. Государство – это всего лишь «исполнительный комитет» правящего класса или, как выражаются современные неомарксисты, государство – это просто «синдикат, созданный для защиты привилегий существующей власти» [597]. Такая формулировка напоминает теорию консерватора Моски, ведь он учитывал те же симптомы (полностью соответствующие его мировоззрению) и выдвигал такой же диагноз.

Один французский социалист, который между делом проложил себе путь в министерство, довел марксистское учение о государстве до крайности и посоветовал рабочим отказаться от изолированной и локальной экономической борьбы, забастовок и немедленно перейти к общему наступлению на государство, всеобщей забастовке, поскольку буржуазия может быть повержена, только когда будет повержено государство[598].

Марксистская теория государства в сочетании с верой в революционную силу рабочего класса и демократическим воздействием национализации средств производства логически приводит к идее нового общественного порядка, который представлялся Моске утопичным. По мнению марксистов, капиталистический способ производства превращает большую часть населения в пролетариев и, таким образом, сам роет себе могилу. Как только пролетариат достигнет зрелости, он захватит политическую власть и немедленно превратит частную собственность в государственную. Таким образом, она устранил и себя, так как положит конец всем классовым различиям и, следовательно, классовому антагонизму. Другими словами, пролетариат упразднит государство как государство. Капиталистическое общество, разделенное на классы, нуждается в государстве для организации правящего класса, чтобы сохранять существующие капиталистические системы производства и продолжать эксплуатацию пролетариата. Таким образом, покончить с государством – значит покончить с правящим классом[599]. Но новое, бесклассовое коллективистское общество будущего, которое должно возникнуть на руинах прежнего государства, нуждается и в элективных элементах, например в использовании превентивных мер, описанных Руссо в «Общественном договоре» и воспроизведенных в Декларации прав человека и гражданина, а также в обязательном ограничении срока полномочий избранных кандидатов. Управление социальным богатством может осуществляться только при условии создания обширного чиновничьего круга. Здесь снова возникают сомнения, поразмыслив над которыми мы вынуждены признать, что бесклассовое общество невозможно. Управление колоссальным капиталом – и особенно в том случае, если этот капитал является коллективной собственностью, – наделяет распорядителя влиянием, равным, по крайней мере, влиянию частного капитала. Критики марксистского общественного порядка задаются вопросом, не существует ли вероятность, что тот же самый инстинкт, который сегодня заставляет частных собственников завещать свое накопленное имущество своим детям, проявится и среди распорядителей общественного капитала, не станут ли они использовать свою огромную власть для того, чтобы по праву преемственности обеспечить своим детям занимаемые ими самими должности[600].

К тому же формирование нового правящего меньшинства облегчает и особый тип социального становления, который лежит в основе марксистской концепции революции. Согласно Марксу, период между разрушением капиталистического и становлением коммунистического общества ограничен переходным революционным периодом в экономической сфере, которому соответствует период политических преобразований, и «государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»[601]. Если не использовать эвфемизмы, это революционная диктатура социалистических лидеров, которым хватит сил и сноровки во имя социализма вырвать скипетр из рук умирающего буржуазного общества.

Программа-минимум республиканской партии Джузеппе Мадзини тоже предусматривала диктатуру. Она привела к разрыву между «Молодой Италией» и социалистически настроенными карбонариями. Флорентиец Филиппо Буонарроти, человек, сыгравший в свое время выдающуюся роль в Великой французской революции и непосредственно наблюдавший за тем, как победившие революционеры поддерживали сохранение неравенства и стремились создать новую аристократию, друг и биограф Гракха Бабёфа, всеми силами сопротивлялся централизации власти. Одной из теоретических причин, которыми он объяснял свою позицию, была идея о том, что индивидуальная диктатура была всего лишь стадией на пути к монархии[602]. Он упрекал Мадзини и его сторонников в том, что все политические изменения, на которых они настаивали, имели исключительно формальный характер и были направлены лишь на удовлетворение личных потребностей, прежде всего на завоевание и использование неограниченной власти [603]. Поэтому Буонарроти выступил против вооруженного восстания, организованного Мадзини в 1833 году в Пьемонте, издав секретный указ, в котором он запрещал своим товарищам-карбонариям оказывать любую поддержку мятежникам, победа которых, по его словам, могла привести только к созданию новой амбициозной аристократии[604]. Идеальная республика Мадзини, как позже писал Буонарроти, отличается от монархии лишь тем, что в ней на один титул меньше и на одну выборную должность больше[605].

Отличия единоличной диктатуры от диктатуры группы олигархов незначительны. Понятие «диктатура», однако, противопоставлено понятию «демократия». Попытка заставить диктатуру служить целям демократии – то же самое, что воевать во имя мира или использовать алкоголь для борьбы с алкоголизмом[606]. Можно предположить, что группа, однажды обеспечившая себе контроль над инструментами коллективной власти, сделает все возможное, чтобы его сохранить[607]. Еще Теофраст отмечал, что главная цель тех, кто занимает высокие посты в национальном государстве, – не выгода или обогащение, а стремление утвердить собственный суверенитет ценой суверенитета народа[608]. Велика опасность, что социальная революция под предлогом равенства подменит современный понятный и видимый правящий класс, который открыто признается таковым, тайной олигархией демагогии.

Опыт показывает, что экономическая доктрина и историко-философские воззрения марксизма оказываются весьма привлекательными, но им недостает элементарных представлений о сферах государственного и административного права и психологии [609]. Всякий раз, когда социалистическая теория пытается предоставить определенные гарантии личной свободы, она либо проваливается в бесконечный индивидуалистический анархизм, либо вопреки доброй воле ее создателей превращает индивида в раба масс. Чтобы сохранить чистоту и ценность литературы социалистического общества и покончить с низкопробной макулатурой, Август Бебель решил созвать экспертную комиссию, которая была бы обязана определять, что может быть напечатано, а что нет. Но чтобы избежать возможной несправедливости и обеспечить свободу мнений, Бебель вносит еще одно предложение: каждый автор имеет право обратиться к общественности[610]. Однако как технически, так и психологически невозможно осуществить подобную меру по сохранению и защите демократии, в соответствии с которой самые толстые тома должны печататься многомиллионными тиражами и предоставляться общественности для изучения на предмет их пригодности или непригодности для печати.

Проблема социализма – не просто проблема экономики, не только попытка определить, в какой степени возможно одновременно справедливое и экономически продуктивное распределение богатства. Социализм – это еще и административная проблема, проблема демократии как в административно-техническом, так и в психологическом смысле. В этой индивидуалистской проблеме заключено ядро целой группы вопросов, на которые стремится ответить социализм. Рудольф Гольдшайд, который видит путь к возрождению социалистического движения через укрепление его наиболее энергичных элементов, совершенно прав, когда утверждает, что социализм рискует потерпеть неудачу, если не возьмется за решение проблемы индивидуальных способностей – как с точки зрения знания, так и с точки зрения воли. Несмотря на то как блестяще социализм справляется с возникающими в организации трудностями – здесь Гольдшайд в первую очередь говорит об экономических трудностях, – из-за недостаточного внимания к проблеме свободы (важнейшей на нашем этапе эволюционного развития) социализм может потерпеть крах, как и любая предшествовавшая ему система мировоззрений, ослепленная блеском целого и не заметившая отдельных источников света[611] .

Верный друг молодой рабочей партии Германии, которой удалось после тяжелой борьбы вырваться из-под гнета буржуазной демократии, однажды дал ей серьезное напутствие. В открытом письме комитету Немецкого рабочего союза Лейпцига Родбертус писал: «Вы уходите от влияния политической партии, потому что уверены – и вполне справедливо, – что она не отражает ваши политические интересы. Вы хотите основать собственную партию, но где гарантия, что власть над ней не захватят антисоциальные элементы?»[612] Это замечание касается самой сути политической партии. Чтобы убедиться в этом, необходимо проанализировать все элементы ее структуры.

Социологические явления, рассмотренные нами в предыдущих главах, могут стать крепкой базой для научных противников демократии. Они со всей очевидностью доказывают, что культурная часть общества не способна существовать без правящего или политического класса, ведь он оказывается необходимым предварительным условием, предпосылкой для возникновения общества. Даже если состав правящего класса подвержен частым изменениям, он остается единственным фактором, имеющим непреходящее значение в истории человеческого развития. Соответственно, правительство или, если угодно, государство всегда может быть только организацией меньшинства. Его главная цель состоит в навязывании «правопорядка» остальной части общества, порядка, возникшего из его потребности в господстве и эксплуатации масс подчиненных илотов. Правящее меньшинство никогда не выражает волю большинства, не говоря о возможном представительстве [613]. Таким образом, большинство не имеет возможности и, вероятно, вовсе не способно на самоуправление. Даже если недовольство масс достигнет таких масштабов, что большинству удастся лишить правящий класс власти, то, по мнению Моски[614], в недрах масс снова возникнет организованное меньшинство, которое займет место свергнутого правящего класса. Безжалостная история обрекает большую часть человечества на вечное несовершенство, массы позволяют развернуться власти меньшинства и продолжают служить пьедесталом для великой олигархии.

Принцип, согласно которому правящие классы непрерывно сменяют друг друга, и вытекающий из него закон олигархии как определение любой формы человеческого

существования в крупных объединениях никоим образом не отменяют материалистическую концепцию истории, не подменяют, но лишь дополняют ее. Нет существенного противоречия между учением о том, что история является непрерывной чередой классовых конфликтов, и учением, согласно которому классовая борьба неизбежно приводит к созданию новой олигархии, сливающейся со старой. Политический класс соответствует доктрине марксизма, в каждом случае он результат возникающего в сообществе соотношения сил, выраженного не количественно, но динамически.

Русский социалист Александр Герцен, работы которого интересны главным образом в отношении психологии, выдвинул предположение, что, с тех пор как человек получил доступ к праву собственности, а его жизнь превратилась в бесконечную борьбу за деньги, все партийные группы буржуазного мира разделились на два лагеря: буржуазных собственников, которые упорно цепляются за свои миллионы, и обездоленных граждан, которые хотят отобрать у первых их имущество, на что им не хватает сил, на скупердяев и завистников. Таким образом, историческое развитие заключается всего лишь в смене оппозиционных волн, иначе говоря: «Одна волна оппозиции за другой достигает победы, то есть собственности или места, и естественно переходит со стороны зависти на сторону скупости»[615]. Процесс социальной революции не может изменить внутреннюю структуру масс. Могут победить социалисты, но не социализм, который гибнет в момент триумфа его последователей. Его можно назвать трагикомичным: массы ограничиваются тем, что стараются сменить власть, мобилизуя все свои силы. Рабочие же лишь удостоились чести «участвовать в государственном призыве»[616]. Весьма скромное достижение, если принять во внимание, что даже самый благонамеренный идеалист за короткие годы своего руководства развивает в себе те качества, которые характеризуют руководство (ср.: ч. III, гл. 1). В рабочих кругах Франции возникла поговорка: «Человека избрали, человека потеряли» (“*Homme élu, homme foutu*”). Социальная революция весьма сходна с политической; как говорится в итальянской пословице: «Сколько не меняй дирижера, музыка не изменится» (“*Si cambia il maestro di cappella, ma la musica e sempre quella*”).

Фурье называл современное общество механизмом индивидуальной разнузданности, который не способен ни защитить индивида от нападения со стороны масс, ни защитить массы от нападения со стороны индивида[617]. История, кажется, учит нас, что ни одно народное движение, каким бы мощным и энергичным оно ни было, не способно привести к продолжительным и глубоким изменениям в социальной структуре цивилизованного мира, так как самые выдающиеся участники этого движения, его инициаторы и предводители, постепенно отделяются от масс и становятся частью «политического класса». Они не способны привести в него «новые идеи», но поддерживают его существование и непрерывное возобновление, отдавая ему все силы своей юности и практические навыки. «Политический класс», если мы будем придерживаться терминологии Моски, несомненно, весьма точно осознает свои возможности и средства самозащиты. Он обладает притягательной силой и способностью поглощать даже самых озлобленных и последовательных своих противников. С исторической точки зрения антиромантики совершенно правы, когда скептически замечают: «Что такое революция! Люди на улице палят из пистолетов, бьют окна, мало кто, кроме стекольщиков, оказывается в выигрыше. Ветер уносит дым. Те, кому удалось, остаются на вершине, сталкивают остальных вниз... Стоит того, чтобы перебрать столько хорошей брусчатки, от которой иначе невозможно

было бы избавиться!»[618] Или, как поется в «Мадам Анго»: «Нет необходимости в смене правительства!» Во Франции, стране социальных идеологий и социальных экспериментов, этот пессимизм укоренился сильнее всего[619].

Партия – это не социальное или экономическое единство. В ее основе лежит программа. Теоретически эта программа может выражать интересы определенного класса. Но на практике членом партии может стать кто угодно, вне зависимости от того, совпадают ли его частные интересы с положениями партийной программы. Так, например, социал-демократическая партия считается идеологическим представителем пролетариата, поэтому она не представляет собой классовый организм, но скорее – с общественной точки зрения – становится смесью классов, элементы которой выполняют различные экономические функции. Но классовые предпосылки партийной программы требуют видимости классового единства. Поэтому существует негласное условие, согласно которому члены партии, принадлежащие к другому классу, безоговорочно отказываются от личных интересов, противоречащих интересам класса партии. Они принципиально подчиняются «идее» чуждого им класса. Все социалисты как таковые, вне зависимости от их частного экономического положения, теоретически признают абсолютное превосходство конкретного великого класса. Даже непролетарии или «неполноценные» пролетарии «принимают взгляды рабочих и признают пролетариат лидирующим классом»[620]. Это в теории. На практике преодолеть конфликт интересов между капиталом и трудом через принятие партийной программы невозможно. Некоторые представители высших социальных слоев, присоединившиеся к рабочей партии, полностью посвящают себя ей, «деклассируются». Но, несмотря на внешнее совпадение идеологических интересов, большинство из них будет продолжать преследовать экономические интересы, противоположные интересам пролетариата (см. ч. IV, гл. 2). Это конфликт интересов. И его исход определяется отношением соответствующих интересов к базовым жизненным ценностям. На этой почве между пролетариями и буржуа, состоящими в одной партии, может возникнуть экономический конфликт, который позже может стать политическим. Экономический антагонизм выходит за пределы экономической надстройки и становится обыденным. Программа превращается в мертвую букву, а под знаменем социализма внутри партии разворачивается настоящая классовая борьба. Опыт показывает, что отношение буржуазных социал-демократов к своим подчиненным (с которыми они состоят в отношениях работодатель – наемный работник) совершенно не соответствует правилу, по которому классово чуждые интересы всегда должны подчиняться интересам «принимающего» класса. Кроме того, если члены партии владеют фабриками или мастерскими, несмотря на свои добрые намерения и давление со стороны партии, они находятся в таком же экономическом конфликте со своими рабочими, что и те их профессиональные коллеги, чьи идеологические убеждения совпадают с их экономической функцией, то есть представителями буржуазии, а не социал-демократии.

Так возникает опасность, что власть над социалистической партией может оказаться в руках людей, чьи практические устремления противоречат партийной программе, а рабочее движение, таким образом, оказывается на службе у интересов, противоположных его собственным[621]. Такая опасность особенно велика в тех государствах, где рабочая партия не может вырваться из-под экономической власти независимых капиталистов, и представляет наименьшую угрозу там, где партия не нуждается в таком покровительстве

или, по крайней мере, может не вмешиваться в ведение этих дел.

Если руководители буржуазного или пролетарского происхождения связаны с партией должностными обязанностями, их экономические интересы, как правило, совпадают с интересами партии. Но это позволяет избавиться только от одной опасности. Другая, еще более серьезная, всеобщая и неминуемая опасность возникает из развивающегося противостояния между партийной массой и партийным руководством. Партия как внешняя структура, механизм, машина, не идентична партийной массе или классу. Партия – это средство для достижения цели. Когда она становится самоцелью[622]с собственными интересами и стремлениями, она телеологически отделяется от класса, который представляет. Внутри партии интересы организованных партийных масс не обязаны пересекаться с интересами чиновников, которые их представляют. Консервативным интересам штата партийных чиновников в определенных политических ситуациях может соответствовать оборонительная или регрессивная политика, в то время как интересы рабочего класса требуют смелой и агрессивной политической тактики, или (что встречается гораздо реже) наоборот. Неизменный социальный закон заключается в том, что в любом общественном органе, сформированном в результате разделения труда, как только он приобретает четкую структуру, формируются его собственные классовые интересы. Безусловно, существование частных интересов в условиях сообщества приводит к конфликту частных и общих интересов. Более того, различные социальные слои в соответствии со своими общественными функциями объединяются в различные организации, представляющие их интересы. В долгосрочной перспективе так формируются классы.

ГЛАВА III. Заключительные замечания

« Если брать этот термин в точном его значении, то никогда не существовала подлинная демократия, и никогда таковой не будет. Противно естественному порядку вещей, чтобы большое число управляло, а малое было управляемым.

Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре

Лидерство – непреложное свойство всех форм общественной жизни. Поэтому наука не ставит перед собой задачи установить, является ли оно абсолютным злом или благом или какое из двух качеств в нем преобладает. Однако и с научной, и с практической точки зрения крайне важно показать, что лидерство несовместимо с соблюдением основных принципов демократии. Мы знаем, что закон исторической необходимости установления олигархии основывается на ряде эмпирических фактов. Как и любой другой научный закон, он берет начало в эмпирических наблюдениях. Но чтобы избавить его от описательного характера и придать ему необходимую аналитическую силу, которая и превращает формулу в закон, необходимо не только упорядочить эмпирически установленные явления в соответствии с одной системой взглядов, но и исследовать причины их возникновения. В этом и состояла цель нашего исследования. Если говорить коротко, причины возникновения олигархии внутри демократической партии заключаются в следующем: помимо случаев организации и формирования картелей среди руководства, а также общего безразличия и инертности со стороны масс они состоят в благодарности масс к своим лидерам и технической необходимости руководства.

Этот процесс, берущий начало в разделении труда в организации, завершается рядом личностных особенностей, которые лидер приобретает в процессе отделения от масс. Поначалу фигура руководителя возникает спонтанно, его деятельность не оплачивается и носит внештатный характер, но со временем становится постоянной и оплачиваемой. За первым шагом следует второй: появление профессионального руководства – это только подготовка к возникновению устойчивой и несменяемой власти.

Рождение феномена олигархии в этих условиях объясняется отчасти психологически, то есть изменениями в личности лидеров, которые происходят в их жизни, отчасти (в более значительной степени) тем, что можно назвать психологией организации. Олигархия возникает из потребностей технического и тактического характера, которые свойственны любому упорядоченному коллективу, избравшему политический путь развития. Фундаментальный социологический закон, которому беспрекословно подчиняются все

политические партии – термин «политика» мы понимаем здесь в самом широком смысле, – может быть кратко сформулирован следующим образом: любая организация порождает превосходство избранных над избирателями, доверенных лиц – над доверителями, делегатов – над делегирующими.

Всякая партийная организация представляет собой олигархическую власть, основанную на демократических принципах. Повсюду избиратели и избираемые. Но точно так же повсюду и неограниченная власть избранного руководства над массами избирателей. Олигархическая структура надстройки подрывает демократический базис. Одно дело – то, что должно быть, и совсем другое – то, что есть на самом деле. Это сущностное различие между воображаемым и реальным положением дел все еще недоступно массам. Социалисты часто искренне верят, что новая политическая элита в отличие от предшественников сдержит все свои обещания. Идея представительства народных интересов, за которую с упорством и искренней надеждой цепляются большинство демократов, в особенности немногочисленные рабочие массы немецкоговорящих стран, – не больше чем мираж, иллюзия. В одном из самых выдающихся фрагментов своего исследования современного донкихотства Доде изобразил бравого командира Бравиду, никогда не покидавшего Тараскон, который под палящими лучами южного солнца начинает убеждать себя, что побывал в Шанхае и стал героем невероятных приключений [623]. Точно так же современный пролетарий непрерывно находится под влиянием неустанных красноречивых, культурно превосходящих его сил, которые смогли убедить его, что передать свои социально-экономические заботы в руки своего поверенного – это все, что нужно, чтобы обеспечить себе «долю власти» [624].

Органическое формирование олигархии в условиях различных форм демократии затрагивает любую организацию, социалистическую или даже либертарианскую. Еще Халлер заметил, что сама природа создает отношения господства и подчинения во всех формах общественной жизни [625]. С властью лидеров в демократических и революционных партийных организациях необходимо считаться. Горстка проникательных членов партии так и делает. Вопрос не в том, как можно установить идеальную демократию, но в том, какая степень и какой объем демократии будут: возможны сами по себе, достижимы, желательны. (При этом третий пункт не будет нас интересовать, так как он касается сферы политики и мировоззрений.) Это и есть основной вопрос политики как науки. На того, кто не может это признать, обрушиваются упреки Зомбарта: он либо так несведущ и неопытен, что не может признать, что любой порядок и любая культура несут на себе отпечаток аристократизма, либо же он так ослеплен, что не осознает, что демократический порыв ведет к прогрессу [626]. Великое заблуждение социалистов, возникшее из их недостаточной осведомленности в вопросах психологии, заключается в том, что они демонстрируют избыточно пессимистичные взгляды на настоящее в противовес радужному оптимизму их взглядов на грядущее. Очевидно, что подобный взгляд на настоящее никак не может привести к чрезмерно оптимистичному будущему. Реалистичный взгляд со всей очевидностью демонстрирует, что при всей его гипотетической пластичности человеческий материал, который в настоящее время находится в распоряжении социальных философов или политиков, устроен так, что в обозримом будущем на благоприятный исход могут надеяться только утописты.

Социал-демократические партии и профсоюзы – это живые формы общественной жизни. Они сопротивляются любому исследованию их внутренней сути, реагируют на него как на вивисекцию. Сильнее всего они сопротивляются результатам научного исследования, которые в итоге противоречат их априорной идеологии. Но их оборона крайне слаба. Те партийные представители, чья научная ответственность и личная порядочность не позволяют им открыто отрицать наличие олигархических тенденций в любых формах демократии, пытаются объяснить эти тенденции как своего рода атавизм массового менталитета и приводят в пример молодых членов движения. Массы все еще инфицированы вирусом олигархии, потому что подвергались угнетению на протяжении долгих веков рабства и до сих пор не привыкли к собственной автономии[627]. Но социалистический режим совсем скоро восстановит их силы, предоставит им все возможности для самоуправления. Едва ли найдется более антинаучное предположение, чем то, согласно которому, как только социалисты придут к общественной власти, минимального контроля со стороны масс будет достаточно, чтобы добиться полного совпадения интересов руководства и подчиненных[628]. На роль такого еще более антинаучного и совершенно немарксистского предположения может претендовать идея марксиста Геда о том, что, так же как христианство когда-то превратило Бога в человека, социализм превратит человека в Бога [629].

Объективная незрелость масс – не временное явление, которое исчезнет с развитием демократизации в условиях социализма. Незрелость и есть сущность самой массы, аморфной по своей природе, пусть даже организованной, но некомпетентной по отношению к комплексу решаемых ею задач, для которых необходимы разделение труда, специализация и способность к управлению. «Человеческий род хочет, чтобы им управляли. Я стыжусь своего рода», – писал Прудон, находясь в заключении в 1850 году[630]. Обычный человек всегда по своей природе зависит от руководства тем сильнее, чем более подробно разделяются обязанности в современном обществе. Группа, состоящая из отдельных индивидов, испытывает еще большую потребность в руководстве.

Но из этих предположений и научных убеждений не стоит делать вывод о том, что необходимо отказаться от исследования границ олигархической власти (государство, правящий класс, лидерство и т. д.) над индивидом. Не стоит отказываться от безнадежного стремления открыть такой общественный строй, в котором была бы возможна полная реализация идеи народного суверенитета. На данном этапе, как мы отметили в самом начале, мы далеки от того, чтобы указывать новые пути. Нам показалось необходимым сделать значительный акцент на пессимистическом аспекте демократии, навязанном ей историей. Нам следовало задаться вопросом о том, должна ли демократия оставаться – и до какой степени – идеалом, не имеющим иной ценности, кроме морального критерия, позволяющего оценить различную степень олигархии, присущую любому социальному режиму. Иными словами, является ли демократия идеалом, который невозможно воплотить в действительности. Еще одной целью этой работы было разрушить некоторые поверхностные и легкомысленные демократические иллюзии, которые омрачают науку и вводят массы в заблуждение, подчеркнув при этом определенные социологические тенденции, препятствующие власти идеальной демократии и в более значительной степени власти социализма. В любом случае следует отметить, что для возможного ослабления олигархических тенденций достаточно любого пролетарского революционного движения,

преисполненного искренним духом демократии. Но мы увидели, как в недрах такого движения зарождаются те же тенденции, ради преодоления которых движение и было создано. При несоответствии формы и ценности составляющих его элементов движение может превратиться в тиранию, но не стать при этом менее привлекательным как этически, так и эстетически и продолжать противопоставлять традиционной легитимности существующей власти брутальный плебисцитарный бонапартизм парвеню. Эволюция посмеялась над тщетностью всех профилактических мер по борьбе с возникновением олигархии. Если законы принимаются ради ограничения власти лидеров, со временем ослабевают эти законы, но не лидеры. В самом принципе демократии кроется если не лекарство от олигархии, то хотя бы средство для смягчения ее симптомов. Виктор Консидеран сформулировал идею о «демократически-пацифистском» социализме в следующем определении: «...это понятие означает не господство низших классов, а систему управления и организации общества, которая соответствовала бы общим интересам и осуществлялась бы через иерархическое посредничество определенного количества граждан, которое должно увеличиваться в соответствии с ростом социального развития [631]. В этом замечании он затрагивает крайне важную проблему. По большому счету это главная характеристика демократии и, соответственно, рабочего движения – усиливать и поощрять интеллектуальную способность индивида к критике и контролю, несмотря на то что бюрократизация форм критики весьма затрудняет развитие этой способности. В особенности в рабочем движении благодаря теоретическим положениям, выдвигаемым и защищаемым им, то и дело появляются свободные личности, которые, руководствуясь принципом или инстинктом (вопреки воле руководства), снова и снова пересматривают существующие авторитеты и ценности и неустанно задаются вечным вопросом о природе общественных организмов. Эта предрасположенность к свободному исследованию, в которой мы усматриваем величайшее явление эволюции, будет расти вместе с упрочением и улучшением экономического положения и условий жизни масс. Повышение уровня образования означает и повышение способности к контролю, как мы видим уже сегодня, власть лидера над богатыми гораздо меньше, чем власть лидера над бедными. Последние беспомощны перед своим руководством, потому что недостаток образования не позволяет им правильно оценить его действия и предвидеть их последствия. Основная работа по ограничению олигархических тенденций в любом рабочем движении лежит в области социальной педагогики.

Должно быть, для идеалистов любой подробный анализ форм современной демократии становится источником глубокого уныния и горького разочарования. Возможно, только они в состоянии вынести справедливое суждение о демократии и, не впадая в сентиментальный дилетантизм, способны признать, что ценность всех научных и человеческих идеалов относительна. Тот, кто хочет по достоинству оценить демократию, должен сравнить ее с чистой аристократией. Имманентные недостатки демократии очевидны. Но тем не менее в качестве формы демократия – наименьшее из зол. Идеалом можно было бы считать аристократию высокой морали и технической эффективности. Но где ее найти? Иногда, лишь изредка, ее удастся отыскать путем выборов, но никогда там, где действует наследственный принцип. Поэтому монархия – это извращенность, возведенная в степень, теоретически хуже и необратимее, чем самая порочная, этически неприемлемая диктатура демагогии, в больном теле которой хотя бы кроется дух здорового принципа, а с ним и надежда на телесное выздоровление. Поэтому чем яснее человечество осознает преимущества демократии, какими бы несовершенными они ни были, по сравнению с

хорошо налаженной системой аристократии, тем меньше вероятность возвращения к аристократическим принципам. В то же время только ясный и точный взгляд на опасности, которыми демократии грозит олигархия, позволит нам если не устранить эти опасности полностью, то хотя бы свести их к минимуму.